

МОТИВНЫЙ КОМПЛЕКС «БЕЗМОЛВИЕ – СВЕТ – ЧУДО» В ПОВЕСТИ А. СЕГЕНЯ «СВЕТ СВЕТЛЫЙ»

Аннотация: Концептуальный уровень повести А. Сегеня «Свет светлый», главным героем которой является митрополит Алексей Московский, определяет мотивный комплекс «безмолвие – свет – чудо». Он помогает представить эпоху русского Возрождения XIV–XV веков, пропитанную исихастским влиянием, образ святителя Алексея Московского, а также его современника святого преподобного Сергия Радонежского. В повести А. Сегеня мотивы света и мрака, безмолвия и многоглаголания амбивалентны, при этом контрастные начала бытия гармонизируются, подчиняясь идее света и тишины, мысли о возможности постижения Божия величия.

Ключевые слова: «Свет светлый», А. Сегень, митрополит Алексей Московский, святой преподобный Сергий Радонежский, Русь, исцеление Тайдулы, исихазм, свет, безмолвие, чудо.

Цитирование: Щербакова Е.К. Мотивный комплекс «безмолвие – свет – чудо» в повести А. Сегеня «Свет светлый» // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2021. Вып. 2 (19). С. 139-151.

Сведения об авторе: Щербакова Евгения Константиновна – доцент кафедры церковно-практических и филологических дисциплин Оренбургской духовной семинарии (Россия, Оренбург). E-mail: galereya-k@yandex.ru

Поступила в редакцию 25.08.2021

Принята к публикации 04.10.2021

В повести А. Сегеня «Свет светлый» мотивы безмолвия, света, чуда можно объединить в мотивный комплекс, у них особая связующая роль, именно в системе они помогают представить эпоху «второго русского Возрождения XIV–XV веков» [1, с. 190],

пропитанную исихастским влиянием, образ святителя Алексия Московского, а также его современника святого преподобного Сергия Радонежского. Об исторической роли этих христианских подвижников подробно написано в трудах В.О. Ключевского, А.В. Карташева¹, целого ряда исследователей; задача данной статьи – рассмотреть художественные образы митрополита и его эпохи в повести А. Сегеня, выявить, в какой степени их прояснению помогает мотивный комплекс «безмолвие – свет – чудо». При этом важно подчеркнуть отличие литературного нарратива от исторического: первый, по утверждению И.В. Силантьева, «строится по принципу вымышленного конструирования событий – но не на основе факта, а на основе мотива, и поэтому он, в отличие от нарратива исторического, оказывается закольцованным» [9, с.71].

В книге А. Сегеня интерпретируется история жизни (жития) митрополита Алексия Московского, и это не первый опыт художественного осмысления биографии святителя: еще в 1902 году П.А. Россиевым была написана повесть «Святитель Алексий». Безусловно, и А.Ю. Сегень, и П.А. Россиев строят повествование на основе известных исторических фактов, с ними и с унифицированными событиями разных редакций жития святителя в фабульном плане совпадают события повестей.

Житие владыки Алексия имеет несколько редакций, современные исследователи выделяют из них как самые значительные Пахомия Логофета и Евфимия Чудовского. Г.А. Назарова отмечает, что «Житие митрополита Алексия в редакции Пахомия Логофета послужило литературным источником для иконы „Св. Алексий с житием“, написанной в 1481 году, вместе с парной ей иконой митрополита Петра для иконостаса Успенского собора Московского Кремля» [5, с.105]. Однако по поводу жития Пахомия Сербя еще В.О. Ключевский писал, что события в нем хронологически спутаны и что ниже его «в литературном и фактическом отношении стоят немногие жития в древнерус-

ской литературе» [3, с. 118]: «при разборе Пахомиевского жития Алексия надобно иметь в виду, что очень редко можно встретить его в исправном списке, без очевидных грубых ошибок и пропусков» [3, с. 115].

Пятую редакцию жития, написанную Евфимием Чудовским, В.О. Ключевский считал самой значительной и с точки зрения стиля, и с точки зрения полноты и точности приведенных сведений, хотя современный исследователь справедливо считает, что, «несмотря на это, составителю так и не удалось устранить все биографические неточности и внутренние противоречия, допущенные его предшественниками» [4, с. 223]. В этой редакции появились новые биографические сведения. Сравним: «в „Слове о житии Алексия...“ содержатся биографические сведения, которых не было в предшествующих редакциях: о знакомстве Алексия с греческим языком, о переводе святителем Нового Завета, деяний и посланий святых апостолов, Апокалипсиса Иоанна Богослова, рассказа об обретении и двойном перенесении честных мощей и многих других» [4, с. 223].

Происходящее в повести А. Сегеня соотносится и с фактами пятой редакции жития (в нем звучат те же имена – Джанибек, Бердибек, Тайдула и др.), но, как и в житии святителя, изложенном Димитрием (Ростовским) [7], в ней нет подробностей, присутствующих в тексте Евфимия Чудовского.

Вопросу трансформации житийной традиции в современной духовно-исторической прозе уделяется немалое внимание в литературоведении, например в трудах М.В. Антоновой, А.В. Растягаева, Т.В. Шильниковой, Т.А. Давтян² и др. Отмечается, что в художественных текстах герои-святые приобретают свойства обычных людей, менее идеализируются, что, однако, свидетельствует о стремлении писателя популяризовать описываемые исторические события, сделать понятным образ героя для невоцерковленного читателя и, безусловно, представить собственную концепцию понимания его личности.

В повести «Свет светлый» две центральные линии: события в Золотой Орде (внешняя) и на Руси (внутренняя). Их объединяют фабульные мотивы света и мрака, сменяющие друг друга, но не теряющие своей однозначности. И на Руси, и в Орде происходит дележ власти, междоусобица – великая «замятня», но над этими событиями довлеет еще более страшная «замятня» – чума. «XIV век – век черной чумы, истребившей треть населения Европы. В экономическом плане это была катастрофа, которая, однако, серьезно подняла значение человеческого фактора... С одной стороны, она породила стремление ловить миг, погоно за материальными благами, а с другой стороны, показала тщету, иллюзорность материальных благ <...> На фоне социальной неустойчивости, хрупкости общественно-государственных структур на передний план выходит человеческая личность» [1, с. 172]. Не случайно поэтому в повести «Свет светлый» особая роль отводится митрополиту Алексию. Не всякий свет светлый, и владимирцы радуются, что, пока он с ними, черная смерть к ним не придет. Свет митрополита – это свет молитвы, Божьего присутствия. В свою очередь, обретшая зрение ханша Тайдула думает, что, если ее дети и внуки убивают друг друга, не нужен ей и свет внешнего мира: «Даже чума не столь страшна, как такое горе!» [8, с. 120].

Интересно, что, подобно автору первой художественной книги о легендарном митрополите П.А. Россиеву, А.Ю. Сегень начинает повествование не с детства святителя, а с самого удивительного эпизода его биографии – вызова святителя в Орду для исцеления ханши Тайдулы.

По дороге в Сарай-Берке Алексаша и Роман (будущие монахи Пересвет и Ослябя) расспрашивают митрополита Алексея о причинах слепоты сарайской правительницы, и тот, благодушно отвечая на вопросы, вдаваясь в подробности, красноречиво описывает ханшу, сравнивая ее с веселой лошадкой и восхищаясь ее красотой: «Вот так и хатунька Тайдула. Даром, что давно

уже бабушка, а все еще хорохорится. Но и то сказать, красивая она. А в молодости краше ей и вовсе не было во всех татарах» [8, с. 13]. Используемые в речи героя типичные для русского языка разговорно-просторечные формы (например, хатунька с уменьшительно-ласкательным суффиксом -ка, просторечные выражения «даром что», «хорохорится», «и то сказать», весь синтаксический строй речей героя) не очень соответствуют статусу митрополита, приближая к читателю, к человеку обыденному. Но за внешней простотой героя скрывается и духовная сила, и простота внутренняя, помогающая ему и во вражеском стане видеть людей, которым необходимо сочувствие. С Тайдулой он ведет себя галантно: «Я вижу перед собой драгоценность, за которой давно не ухаживали. Придется мне потрудиться» [8, с. 30].

Ханша тянется к нему, выпрашивает у хана Джанибека милости для Русского государства, в страшные минуты испытаний перед ее глазами стоит светлый образ митрополита Алексея и даже возникает мысль о крещении.

Исцеление ханши происходит в «воцарившейся благоговейной тишине» [8, с. 37], при этом время замедляется, поскольку спешить святителю некуда: «покуда не произойдет чудо, богослужение не прервется» [8, с. 37]. Поначалу герой чувствует сомнение в благополучном исходе, поскольку Тайдула не христианка. Но постепенно в его душе начинает разрастаться огонек, и в момент возжжения свечи с гробницы митрополита Петра владыка Алексей преображается и предстает «грозным митрополитом» [8, с. 40], молитвой и окроплением святой водой изгоняющий нечистого духа из ханши.

Чудо совершается относительно быстро, согласно логике жития святителя, в то время как, например, в фильме «Орда» режиссера А. Прошкина, снятого по мотивам эпизода исцеления ханши святителем через три года после публикации повести А. Сегеня в журнале «Москва», в 2012 году, показана нетрадиционная трактовка этого события: для того чтобы совершить чудо,

герою-святителю приходится долгое время скитаться по Сараяу, рабски работать, испытывать страшные лишения, прийти к вере через сомнения, прежде чем исцелить ханшу.

Не случайно между поездкой в Орду и «замятней» на Руси (во Владимире, Киеве, Москве и других русских городах) А. Сегень вводит ретроспективную вставку – рассказ о детстве и молодости святителя, он дан в начале третьей главы «Алексей». Вектор нарратива уходит в прошлое, но вставка не разрывает повествование, а, наоборот, скрепляет его. С помощью данного композиционного приема автор не просто акцентирует внимание читателя на теме детства великого человека, но и делает своего рода остановку между историческими событиями, кипящими страстями. Память о детстве символизирует путь к духовному спасению и тишину. Время при этом замедляется, настолько значимым становится созерцательный момент. В эпизоде детства и юности мотивы земной красоты, тяги к горнему раскрываются на фабульном уровне, для того чтобы в последующих главах соотнестись с уровнем концептуальным.

Перед читателем, как говорилось ранее, предстает не образ идеального отрока, как это было в житии: юный Елевферий «и забавы любил, и подражаться мог, и все увлечения, свойственные отрочеству, были ему не чужды. Просто ко всему отроческому прибавлялась тяга к молитве и любовь к книге» [8, с. 72]. И, конечно, в главу о детстве включен важнейший мотив детской страницы жития – сон, в котором неизвестный голос называет его Алексеем и говорит, что быть ему «ловцом человеков».

В сюжетном плане хронотоп детства тесно связан с хронотопом черниговской земли (временной и пространственный аспекты). Очень важен образ старой груши на черниговской земле, куда с детства любит залезать Алферка-Елевферий, она предстает как мифологическое мировое древо, соединяющее небо и землю, как символ стремления отрока к горнему, где, как ему пона-

чалу кажется и в чем позже он уже не сомневается, поют ангелы.

Хронотоп детства тесно связан и с хронотопом дороги: в свое черниговское имение боярин Бяконт, отец Елевферия, наезжает каждое лето после рождения первенца. В дороге проводит большую часть времени церковный иерарх Алексей: «Дорога! Сколько ее было в судьбе святителя и сколько еще предстояло исколесить ему по свету!» [8, с. 123]. Не случайно преподобный Сергей жалеет его и зовет в свою обитель игуменом или, что, на его взгляд, лучше, иноком: «Мне немислимо и помислить даже, чтобы я куда-то поехал <...> А ты! То в Орде, то в Рязани, то в Коломне... Теперь – в Киев...» [8, с. 123].

Именно в дороге, по пути в Киев, уже пожилой герой митрополит Алексей делится с иноком Андроником впечатлениями из детства. Он вспоминает благодатную черниговскую землю, ее вишни, малину, гречиху, ее грязь: «Нигде нет таких вкусных <вишен>, как у нас под Черниговом!.. Будто искорка в каждой вишне таится, а когда раскусишь, она игриво стрельнет во рту» [8, с. 128]; «Это та грязь, из которой Господь вылепил землю и тварей, и все человечество» [8, с. 134].

Святитель Алексей не отказывается от человеческого слова, не считает его мешающим вере, полезному деланию, но признает силу молитвенного молчания, соглашаясь с учением исихастов, Григория Паламы, с которым он был знаком: «Но постепенно он проникся учением Паламы. Особенно сильно вдохновляла его та часть учения, где архиепископ Солунский проповедовал, что можно Бога увидеть» [8, с. 109], что «если человек истинно любит Господа и если Господь любит его, то сей свет светлый вселяется в него» [8, с. 110].

Владыка Алексей умеет распознавать свет в людях. Такой свет замечает он и в отшельниках Стефане и Сергии Радонежских, и в ученике Сергия Андронике, с которым вместе едет в Киев, чтобы утишить смуту, исходящую от самозванного митрополита Романа Литовского, и не дать Киеву подчиниться влиянию Литвы,

и в иноках Киево-Печерской лавры, среди которых каждый наделен особенным даром, а одни из самых удивительных – затворники Руф и Вениамин, в крошечной мгле благодаря искренней молитве видящие свет светлый. С их состоянием не раз сравнивается состояние митрополита, не соглашающегося признать верховенство Литвы в вопросе веры и потому оказавшегося в плену в Киеве.

Когда киевский князь Василий дерзко говорит с ним и призывает к «вразумлению», митрополит чувствует, что «дневной свет погас в его очах, стало темно, будто во мраке, в коем пребывали добровольные затворники Руф и Вениамин. И не было в том мраке света, который во тьме светит и тьма его не объят» [8, с. 179]. Перевезенный тайно в новое место затворничества, он говорит своему спутнику иноку Андронику, что надо радоваться этой неожиданной тишине и остановке для молитвы. Митрополит даже предлагает отказаться от свечи, как Руф и Вениамин, жить «полной чашей во мраке заточения» [8, с. 185]. После «бесчисленного числа раз» произнесения Иисусовой молитвы затворники сначала изливают благодатные слезы, затем чувствуют тишину, а на третий месяц созерцают «свет светлый, о котором проповедовал Григорий Палама и говорили Руф и Вениамин» [8, с. 186]. Современный исследователь пишет, что «для мотивных комплексов характерна амбивалентность мотива как единство, одновременная реализация полярных начал» [2, с. 67]. И в повести А. Сегеня мотивы света и мрака амбивалентны: диссонирующие, контрастные начала бытия гармонизируются, подчиняясь идее света.

Сподобившись лицезреть свет светлый, митрополит Алексей видит два вещих сна: в первом князь московский Иван Красный просит его не забыть о крестнике Дмитрие Ивановиче, во втором «сам Григорий Палама явился ему в сапфировом кресте, с улыбкою поклонился и исчез» [8, с. 193]. Эти сны, символизирующие завещание молиться о Москве и укреплять веру православную, а также посещение литовского князя Ольгерда, прося-

щего благословение быть великим князем, становятся толчком к освобождению героев из узилища. До сих пор они радовались вынужденному покою, но с этого момента стали прибавлять молитву Анастасии Узорешительнице, которая, явившись князю Димитрию, Ослябе и Пересвету, загадочно сказала, где искать владыку, и загадку которой разгадал пришедший в Москву авва Сергий.

В эпизоде заточения мотивы тишины, света, чуда, представляющие в причинно-следственной связи, раскрываются на концептуальном уровне: вынужденное заточение оказалось Божьей благодатью, очередной остановкой на трудном пути, помогающей укрепиться духовно и набраться сил перед очередными испытаниями. Несвобода по чужой воле обернулась сначала духовной свободой героев, а потом и явственным (физическим) освобождением: как только герои поняли нужность своего приезда в Москву, они усилили молитву и получили просимое.

В повести описываются различные чудеса, совершенные и митрополитом Алексеем, и преподобным Сергием, и святителем Григорием Паламой. Не случайно, что в числе чудес митрополита появляется эпизод исцеления говорливого инока Елисея, с которым святитель едет в Литву, свидетельствующий, что молчание (безусловно, молитвенное) – одна из центральных проблем произведения, исходная точка для приобретения благодати – света, с помощью которой совершается чудо.

Молчание в церковной среде признается величайшей добродетелью, не случайно инок Богоявленского монастыря Елисей, по прозвищу Чечетка, «так на Руси называли неумно болтливых баб», сокрушается из-за своего многоглаголанья: «Иной раз так охватывает меня приступ этой проклятой полилогии, что рот не успевает выстреливать слова, они прут, как враги в образовавшийся пролом городской стены, теснят друг друга, давят» [8, с. 310]. Хотя речи Елисея и красивы, и логичны, болтливость осознается героем как тяжкая болезнь, то, что может излечить

лишь Бог. После неожиданной отчитки митрополитом инок преображается, становится молчаливым, именно его святитель назначает игуменом нового Чудова монастыря, хотя прозвище Чететки так и остается за героем.

Таким образом, мотивы безмолвия, света, чуда представляют своего рода градацию, являются двигателем сюжета, определяют концептуальный уровень повести А. Сегеня «Свет светлый», в которой бурная, тяжелая эпоха XIV века становится пассионарной, возрожденческой благодаря святителю митрополиту Алексию Московскому, святому преподобному Сергию Радонежскому, знающим и принимающим учение исихастов, и их сподвижникам, ученикам.

Литература

1. *Иоанн Экономцев, игумен. Православие. Византия. Россия.* – М. : Христианская литература, 1992. – 233 с. – Текст : непосредственный.

2. *Кваскова, А.А. Мотивный комплекс как предмет мотивного анализа.* – Текст : непосредственный // *Нижневартковский филологический вестник.* – 2019. – № 1. – С. 65-69.

3. *Ключевский, В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник.* – М. : ООО «Изд-во Астрель» ; ООО «Изд-во АСТ», 2003. – 395 с. – Текст : непосредственный.

4. *Медведев, А.А. Некоторые наблюдения над «Словом о житии во святых отца нашего Алексия митрополита Киевского и Всея России, чудотворца».* – Текст : непосредственный // *Литература Древней Руси: материалы X Всерос. конф. «Древнерусская литература и ее традиции в литературе Нового времеи.* – МПГУ, 2019. – С. 221-229.

5. *Назарова, Г.А. К истории создания житийных циклов святителя Алексия.* – Текст : непосредственный // *Театр. Живопись. Кино. Музыка.* – 2008. – № 3. – С.103-116.

6. Растягаев А.В. Проблема жанровой трансформации жития в русской литературе XVIII-XIX веков // Бочкаревские чтения. Материалы XXX Зональной конференции литературоведов Поволжья. 2006. – С. 302-311.

7. Святитель Димитрий (Ростовский). Житие святого отца нашего Алексия, митрополита Московского и всея России чудотворца https://azbyka.ru/otechnik/Dmitrij_Rostovskij/zhitija-svjatykh/149.

8. Сегень А.Ю. Свет светлый: повесть о митрополите Алексии Московском, всея Руси чудотворце. М.: Благовест, 2013. – 384 с.

9. Силантьев И.В. Сюжет и смысл. М.: Издательский Дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2018. 144 с.

¹ См. например: Ключевский В.О. Афоризмы и мысли об истории: Афоризмы. Исторические портреты и очерки. Дневники. М.: Эксмо, 2007. С. 11-126; Карташев А.В. Очерки по истории Русской Церкви. М., 1992. С. 310.

² Антонова М.В. Житие Иоанна Дамаскина как основа сюжета поэмы А.К. Толстого «Иоанн Дамаскин» // Вестник Брянского государственного университета. 2017. №13 (33). С. 94-101; Растягаев А.В. Проблема художественного канона древнерусской агиографии // Вестник СамГУ, 2006. № 5/1(45). С. 86-92; Шильникова Т.В. Репрезентация житийной традиции в биографических произведениях об Иоанне Тобольском // [Электронный ресурс]. – <http://www.dslib.net/russkajaliteratura/reprezentacija-zhitijnoj-tradicii-v-biograficheskikh-proizvu>; Давтян Т.А. Особенности изображения детства и юности героя в повести П.А. Россияева «Святитель Алексей» // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 1. С. 126-129.

MOTIVE COMPLEX “SILENCE – LIGHT – MIRACLE” IN A. SEGEN’S NOVEL “THE BRIGHT LIGHT”

Abstract: The conceptual level of A. Segen’s novel “The Bright Light”, the main character of which is Metropolitan Alexy of Moscow, is determined by the motives of silence, light, miracle. They help to present the era of the Russian Renaissance of XIV-XV of centuries impregnated with hesychast influence, an image of the prelate Alexy of Moscow and also his contemporary Saint Reverend Sergius of Radonezh. In the story of A. Segen, the motives of light and gloom, silence and polyphony are ambivalent: dissonant, contrasting beginnings of being are harmonized, obeying the idea of light and silence, thoughts about the possibility of comprehending God’s greatness.

Key words: “The Bright Light”, A. Segen, Metropolitan Alexy of Moscow, St. Sergius of Radonezh, Russia, the healing of Taidula, hesychasm, light, silence, miracle.

References

1. Ioann Jekonomcev, hegumen. Pravoslavie. Vizantija. Rossija. [Orthodoxy. Byzantium. Russia]. Moscow, 1992, 233 p.
2. Kvaskova A.A. Motivnyj kompleks kak predmet motivnogo analiza [The motivic complex as a subject of motivic analysis]. In *Nizhnevartovskij filologicheskij vestnik* [Nizhnevartovsk philological Bulletin]. 2019, No. 1, pp. 65-69.
3. Kljuhevskij V.O. Drevnerusskie zhitija svjatyh kak istoricheskij istochnik [The Ancient lives of the saints as a historical source]. Moscow, 2003. 395 p.
4. Medvedev A.A. Nekotorye nabljudenija nad «Slovom o zhitii vo svjatyh otca nashego Aleksija mitropolita Kievskogo i Vseja Rossii, chudotvorca» [Some observations on “The Word about the life in the

saints of our Father Alexy, Metropolitan of Kiev and All Russia, a miracle worker”]. In *Literatura Drevnej Rusi: materialy H Vseros. konf. «Drevnerusskaja literatura i ee tradicii v literature Novogo vremeni* [Literature of Ancient Russia: materials of the All-Russian Conference “Old Russian literature and its traditions in the literature of the New Time”]. Moscow, 2019, pp. 221-229.

5. Nazarova G.A. K istorii sozdanija zhitijnyh ciklov svjatitelja Aleksija [On the history of the creation of the hagiographic cycles of St. Alexy]. In *Teatr. Zhivopis'. Kino. Muzyka.* [Theatre. Painting. Movie. Music]. 2008, No. 3, pp. 103-116.

6. Rastjagaev A.V. Problema zhanrovoj transformacii zhitija v russkoj literature XVIII-XIX vekov [The problem of genre transformation of life in Russian literature of the XVIII-XIX centuries]. In *Bochkarevskie chtenija. Materialy XXX Zonal'noj konferencii literaturovedov Povolzh'ja* [Bochkarev readings. Materials of the XXX Zonal Conference of Literary Critics of the Volga region]. 2006, pp. 302-311.

7. St. Demetrius (Rostov). Zhitie svjatogo otca nashego Aleksija, mitropolita Moskovskogo i vseja Rossii chudotvorca [The Life of our Holy Father Alexy, Metropolitan of Moscow and All Russia, the Wonderworker]. [Electronic resource]. Mode of access: https://azbyka.ru/otechnik/Dmitrij_Rostovskij/zhitija-svjatykh/149.

8. Segen' A.Ju. Svet svetlyj: povest' o mitropolite Aleksii Moskovskom, vseja Rusi chudotvorce [The bright light: the story of Metropolitan Alexy of Moscow, All Russia the wonderworker]. Moscow, 2013, 384 p.

9. Silant'ev I.V. Sjuzhet i smysl [Plot and meaning]. Moscow, 2018, 144 p.

ВЕСТНИК

ОРЕНБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

Раздел II. РЕЦЕНЗИИ, АННОТАЦИИ, БИБЛИОГРАФИЯ
